ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LVIII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num 1
OLOMOUC 2019

Михаил Николаевич Саенко
Россия, Москва

ФОРМАНТ *-ЪТЬ И СКЛОНЕНИЕ СЛОВ ТИПА *NOGЪТЬ, *OLKЪТЬ, *DEGЪТЬ, *DESĘТЬ И *DЬNЬ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

Abstract:

Formant *-ъtь and declension of words such as *nogъtь, *olkъtь, *degъtь, *desętь and *dьnь in Proto-Slavic language

The article analyses the formation of the characteristic Proto-Slavic nominal declension paradigm, which originally included the words *nogъtь 'nail', *olkъtь 'elbow', *degъtь 'tar', *desętь 'ten' and *dьnь 'day', later enriching itself mostly with derivatives with the formant *-ъtь. The author looks at the history of the formant as well as its combinatory power, depending on the final consonant of the stem, which in its turn can help determine articulatory characteristics of the late Proto-Slavic language *l. Apart from that, derivates with the formant *-ъtь are subdivided according to corresponding chronological layers and a number of details related to their history are analysed.

Key Words:

Proto-Slavic language – morphology – nominal declension.

Данная статья посвящена анализу истории формирования особой праславянской парадигмы именного склонения, изначально включавшей в себя слова *nogъtь «ноготь», *olkъtь «локоть», *degъtь «дёготь», *desętь «десять» и *dьnь «день», а позднее пополнявшейся главным образом за счёт производных с формантом *-ъtь. Описывается история этого форманта, а также его сочетаемость, зависевшая от конечного согласного основы, что оказывается важным для определения характе-

ра артикуляции позднепраславянского *l. Производные с формантом *-ъtь распределяются по хронологическим слоям, а также производится анализ некоторых деталей их истории.

1. Праславянские типы склонения обычно классифицируют по тематическому гласному, выделяя у консонантных основ подтипы по последнему согласному основы.

Традиционная классификация [Vondrák 1928: 8–55]:

1. *-o-, *-i̯o-;
2. (*-ā-, *-i̯ā-) > *-a-, *-i̯a-;
3. *-i-;
4. *-u-;
5. *-ū-;
6. согласные основы (*-n-, *-r-, *-t-, *-s-).

При таком подходе слова *kamy «камень» и *dьnь «день» попадают в подтип на *-n-, а *telę «телёнок» и *nogъtь «ноготь» – в подтип на *-t- [Vondrák 1928: 46–47; 51–52]. Немного другую классификацию мы находим у А. Вайяна, который выделяет подтип согласных основ на *-t- (*nogъtь), не объединяя его с основами на *-nt- типа *telę, но слово *dьnь традиционно относит к *-n-подтипу [Vaillant 2: 224, 193–194].

Но нам более обоснованным видится иной подход, при котором основным параметром классификации является набор окончаний. В этом случае количество выделяемых типов склонения вырастает, однако повышается и точность классификации, становится значительно проще описать сложную ситуацию дробления типов склонения в праславянском и, что самое важное, классификация становится объективной [Саенко 2019].

Мы следуем принципу, согласно которому, для выделения парадигмы в отдельный тип склонения достаточно разницы в одно окончание. В этом случае для позднего праславянского *dьnь и *nogъtь следует объединить в отдельный тип склонения со своим набором флексий, отличающийся от типа на *-en- (*kamy) окончанием nom.sg. *-is > *-ь.

Таблица 1. Склонение слов «камень», «день» и «ноготь» в позднем праславянском (материал для реконструкции см. в параграфе 4)

	камень	день	ноготь
nom.sg.	*kamy	*dьnь	*nogъtь
gen.sg.	*kamene	*dьne	*nogъte
dat.sg.	*kameni	*dьni	*nogъti
acc.sg.	*kamenь	*dьnь	*nogъtь
voc.sg.	*kamy	*dьnь	*nogъtь
ins.sg.	*kamenьmь	*dьnьmь	*nogъtьmь
loc.sg.	*kamene	*dьne	*nogъte
n.-a.du.	*kameni	*dьni	*nogъti
g.-l.du.	*kamenu	*dьnu	*nogъtu
d.-i.du.	*kamenьma	*dьnьma	*nogъtьma
nom.pl.	*kamene	*dьne	*nogъte
gen.pl.	*kamenъ	*dьnъ	*nogъtъ
dat.pl.	*kamenьmъ	*dьnьmъ	*nogъtьmъ
acc.pl.	*kameni	*dьni	*nogъti
ins.pl.	*kameny	*dьny	*nogъty
loc.pl.	*kamenьxъ	*dьnьxъ	*nogъtьxъ

Спусковым крючком для становления этого типа склонения послужили фонетические изменения, происходившие в праславянском на конце слова. В какой-то момент кластер из двух согласных перестал быть возможным на конце слова, что привело к фонетическим изменениям в ауслауте слов на *-Vts и *-Vns. Предположительно упрощение ауслаута сперва затронуло слова на *-Vts, а лишь затем – на *-Vns.

Рассмотрим историю парадигм слов *nogъtь и *dьnь в сопоставлении с парадигмой типа *kamy. Можно выделить три праславянских этапа и один постпраславянский. Выстроить такую хронологию помогают данные балтийских языков.

Таблица 2. История парадигм слов «ноготь», «день» и «камень» в виде соотношения форм nom.sg. и gen.sg. в разные этапы

	I	II	III	IV
ноготь	*noguts : *nogutes	*nogutis : *nogutes	*nogъtь : *nogъte	nogъtь : nogъte
день	*dins : *dines	*dins : *dines	*dьnь : *dьne	dьnь : dьne
камень	*kāmons : *kāmenes	*kāmons : *kāmenes	*kamy : *kamene	kamenь : kamene

На первом этапе слова *noguts, *dins и *kāmons существуют в рамках единого согласного склонения. Затем происходит упрощение конечного согласного кластера *-Vts > *-Vs[1, 2], что влечёт изменение парадигмы *noguts : *nogutes > *nogus : *nogutes.

На втором этапе парадигма выравнивается путём влияния формы acc.sg. на nom.sg. (*nogutis как *nogutin по образцу *-i-основ). Это изменение затронуло как праславянский, так и прабалтийский, ср. лит. *nagùtis* «ноготок» и прусск. *nagutis* «ноготь». С этого момента можно говорить о выделении основ *nogutis, *olkutis и *degutis в отдельный тип склонения. В прабалтийском такой тип склонения, вероятно, тоже существовал, о чём говорят реликтовые формы nom. и gen.pl. у основ на -utis /-utas в старолитовских текстах [Stang 1966: 223].

Третий этап относится к истории уже исключительно праславянского языка. Фонетическое изменение *-Vns > *-V̄s[3] привело к появлению парадигм *dīs : *dines и *kāmūs : *kāmenes, после чего nom.sg. слова «день» прошёл через выравнивание основы, аналогичное описанному выше. Это привело к тому, что его парадигма стала идентичной парадигме слова «ноготь» и отличаться от парадигмы «камень». Это состояние реконструируется для позднего праславянского непосредственно перед распадом.

Наконец четвёртый этап является постпраславянским. Основы на *-en- типа *kamy постигло то же выравнивание основы номинатива по аккузативу, которое ранее произошло с «ногтем» и «днём». Основанием для хронологического разделения этого процесса в парадигмах *dьnь и *kamy служит то, что форма *dьnь является праславянской и продолжается всеми славянскими языками, в то время как *kamy сменился формой kamenь уже в постпраславянскую эпоху и не повсеместно. Старый номинатив обнаруживается в старославянском (камꙑ наряду с камень), старохорватском (*kami* наряду с *kamen*) и полабском языках (*komoi*) [ЭССЯ 9: 137–138]. Его же мы находим с *-k-расширением: *kamy > *kamykъ [ЭССЯ 9: 140].

1 Аналогичные изменения произошли в латыни и греческом, ср. лат. *anas* (G. *anatis*) «утка», *nepōs* (G. *nepōtis*) «внук» и греч. ἐσθής (G. ἐσθῆτος) «одежда».

2 В связи с последующим выравниванием формы номинатива по аккузативу неясно, влекло ли это за собой также заменительное удлинение гласного (дискуссию о том, действовал ли закон Семереньи в случаях типа *-Vts см. в [Piwowarczyk 2015]).

3 Мы полагаем, что праславянская форма *kamy «камень» может быть непротиворечиво выведена только из *kāmons (> *kāmuns > *kāmūs > *kamy). Потенциальная форма **kāmōn с результатом закона Семереньи дала бы **kamǫ. Напротив, для прабалтийского актуален закон Семереньи (лит. *akmuõ* «камень» < *akmō).

После этого разница между парадигмами «ноготь» / «день» и «камень» снова затирается, вдобавок приблизительно в то же время начинается взаимодействие этого типа склонения с основами на *-o- и *-i̯o-.

2. Формант *-ъtь

Суффикс *-ut- оформился, вероятно, в прабалтославянский период в результате расширения ряда *-u-основ суффиксом *-t- и последующего переразложения [Vaillant 2: 231]. Следует отметить, что *-ut- является, кажется, единственным новым суффиксом в праславянском языке, чьи дериваты попадали в согласное склонение. Вероятно, это можно рассматривать как свидетельство того, что он появился уже в довольно раннюю балто-славянскую эпоху.

В ряде случаев *-t- имел диминутивную семантику: *nogus[4] «ноготь» > *noguts (G. *nogutes) «ноготок» (ср. лит. *nagùtis* «ноготок») и *olkus[5] «локоть» > *olkuts (G. *olkutes) «локоток». Это значение сохранилось в современном литовском, но там суффикс -ut- не ограничен уже лишь дериватами от *-u-основ[6]: *žmogùs* «человек» > *žmogùtis* «человечек», *vil̃kas* «волк» > *vilkùtis* «волчонок», *meškà* «медведь» > *meškùtis* «медвежонок», *spìrgas* «шкварка» > *spirgùtis* «шкварка» [Otrębski 1965: 265].

Нельзя не отметить, что более частотным в такой функции (образование диминутивов, которые впоследствии вытесняли старые основы, относившиеся к непродуктивным типам) в праславянском был суффикс *-k-: *āblu > *ablъko «яблоко» (первоначально «яблочко»), *sirdi > *sьrdьko «сердце» (первоначально «сердечко»), *sulni > *sъlnьko «солнце» (первоначально «солнышко»), *inzūs > *ęzykъ «язык», *owis > *owikā > *owьka, *wl̥kʷih$_2$ > *wilkī > *wьlčika «волчица»; *česnъ (*-u-) > *česnъkъ «чеснок», *kamy > *kamykъ «камень».

Я. Отрембский указывает на то, что в литовском суффикс *-ut-* чаще всего присоединяется к основам, заканчивающимся на заднеязычный

4 Первоначально, вероятно, согласная основа (*h$_3$nógʷʰ-s, G. *h$_3$ngʷʰ-és [Kroonen 2013: 381]), перешедшая в прабалтославянском в типы на *-o- (о чём свидетельствует лексема *noga, носившая первоначально собирательный характер, а также литовское *nãgas* «ноготь») и *-u-. По всей видимости, первоначальной *-u- основой было и латинское *unguis* [de Vaan 2008: 641]. О возможной *-u-основе в прагреческом см. [Beekes 2010: 1086–1087]. По мнению некоторых исследователей, *-u-основой это слово было уже в праиндоевропейском, ср. реконструкцию Р. Матасовича: *h$_3$nogʰu-, G. *h$_3$ngʰew-s [Matasović 2009: 36].

5 Доказательством его *-u-основности является литовское *alkū́nė* «локоть».

6 Более того, в литовском диминутивы могут образовываться и от прилагательных: *leñgvas* «лёгкий» > *lengvùtis* «лёгонький», *mãžas* «маленький» > *mažùtis* «крошечный» и т.д. [Otrębski 1965: 265]. О других значениях суффикса *-ut-*, легко выводящихся из диминутивной семантики см. [Otrębski 1965: 264].

согласный [Otrębski 1965: 265]. Как нам кажется, этот фактор действовал уже в прабалто-славянскую эпоху и можно говорить о некоторой «синонимичности» формантов *-k- и *-t-, а также дополнительном распределении (*-t- присоединялся к корням на заднеязычный, а *-k- в остальных случаях). В то же время, даже следов согласного склонения у основ с суффиксом *-k-, кажется, не обнаруживается.

Сложно при этом избавиться от ощущения, что *-k- и *-t- могли выступать лишь в роли всего лишь своеобразных «заполнителей хиата», не имеющих иной функциональной нагрузки, подобно тому, как это происходило у глаголов, образованных от звукоподражаний и подобных им: *bobotati [ЭССЯ 2: 143], *gogotati [ЭССЯ 6: 194–195], *xoxotati [ЭССЯ 8: 55], *kokotati [ЭССЯ 10: 117], *lolotati [ЭССЯ 16: 11], *momotati [ЭССЯ 19: 208], *mykati «мычать» [ЭССЯ 21: 35], (*mūkētei >) *myčati «мычать» [ЭССЯ 21: 24], чеш. *foukat* «дуть», русск. *выкать*, *тыкать*, *акать*, *окать*, *дакать*, *гакать*, *хихикать*, *хекать*, *шикать*, *пшикать*, *улюлюкать*, *цокать*, *игогокать*, *квакать*, *мекать*.[7] Однако, по всей вероятности, это лишь случайное совпадение.

3. Состав склонения

3.1. Достоверно праславянскими словами с параллелями в балтийских языках являются: *nogъtь «ноготь», а также его приставочное производное *paznogъtь «копыто», *olkъtь «локоть», *degъtь «дёготь», *desętь «десять» и *dьnь «день».

Числительное *desętь вошло в описываемый тип склонения уже в балто-славянскую эпоху, в праиндоевропейском оно было несклоняемым. На первый взгляд в этом факте нет ничего удивительного, поскольку подобно слову *pečatь (см. ниже) оно стало склоняться так же, как *nogъtь в связи со сходством финалей. Однако интересно то, что числительные *pętь, *šestь и *dewętь, в праиндоевропейском также несклоняемые, в праславянском вошли в другой тип – тип на *-i-. Объяснение, заключается в том, что эти процессы хронологически относятся к разным эпохам. Как известно, числительные *pętь, *šestь, *sedmь, *osmь и *dewętь не являются прямыми продолжениями старых количественных числительных, а новообразованы от порядковых *pętъ, *šestъ, *sedmъ, *osmъ и *dewętъ. И если склонение типа *desętь, G. *desęte имеет параллель в литовском *dešimtìs* (G. *dešimtes* у Даукши)

[7] В русском -к- появляется не только между гласными, но и перед гласным после сонорного: *гавкать*, *тявкать*, *чавкать*, *рявкать*, *айкать*, *ойкать*, *гамкать*, *шамкать*, *каркать*, *гаркать*. Ср. также польск. *kumkać* «квакать».

«десять»[8] [Stang 1966: 280], то числительные 5–9 в балтийских языках склоняются иначе.

В свою очередь то, что 10 начало склоняться раньше, чем 5–9 тоже вполне понятно, поскольку в рядах числительных 11–19 и 20–90 в праславянском были необходимы формы loc.sg. и gen.pl.: *pętь na *desęte «пятнадцать», *pętь desętъ «пятьдесят».[9] По распространённой версии, ожидаемое *desin > *desę было вытеснено существительным со значением «десяток» (ср. совр. лит. *dešimtìs* «десяток») [Stang 1966: 280]. Однако если реконструировать праиндоевропейскую форму как *dek̑m̥t, а не *dek̑m̥, в пользу чего, например, говорит *du̯idek̑m̥tih$_2$ «двадцать» с застывшей формой двойственного числа, то нельзя исключать и того, что -t- здесь исконное, а склонение типа *desętь, G. *desęte возникло в результате выравнивания парадигмы после отпадения конечного *t: *desint : *desintes > *desin : *desintes > *desintis : *desintes.

3.2. К потенциально праславянским словам без параллелей в балтийских языках, засвидетельствованным во всех трёх основных подгруппах славянских языков относятся два случая:

*lapъtь «лапоть» [ЭССЯ 14: 32–34][10];

*wěxъtь «пучок соломы» < *wěxa «соломенный жгут, вязанка» [Фасмер 1: 308].

3.3. Слова, возможно, могущие претендовать на праславянский статус:

*kogъtь «коготь». Несмотря на то, что данное слово не встречается в южнославянских языках, на мысли о его праславянском статусе наводит отсутствие прозрачной производящей основы в позднем праславянском. Дискуссия об этимологии слова *kogъtь имеет долгую историю и обширную литературу. Опишем лишь основные моменты. Среди лингвистов нет консенсуса, как выглядел корень: *kog- или *kok-, поскольку часть засвидетельствованных форм славянских языков и диалектов демонстрирует один согласный, а часть – другой [ЭССЯ 10: 109–110]. На первый взгляд, в пользу *kok- говорит отсутствие эффекта закона Винтера в корне [Kassian 2009: 178], что противоречит реконструкции *kog-. Но второй согласный обычно восстанавливается как непридыхательный звонкий на основании сопоставления с прагерманским *xakō «крюк» [Orel 2003: 154], а как недавно показал Г. Кронен, прагерманскую парадигму следует реконструировать как *hagō,

[8] В значении «десять» используется несклоняемое *dẽšimt*.

[9] В прабалтийском числительные 11–19 образовывались иначе, ср. лит. *penkiolika* «пятнадцать».

[10] В ЭССЯ записано как *lapъtъ/*lapъtь.

G. *hakkaz[11] [Kroonen 2011: 256; Kroonen 2013: 203], что позволяет для раннего праславянского восстанавливать корень *kogʰ-. Однако здесь мы сталкиваемся уже с другой проблемой: как корень структуры *kok-, так и корень структуры *kogʰ- были невозможны в праиндоевропейском. Если оставаться на славянской почве, приверженцы *kokъtь- считают формы с *g* возникшими под влиянием слова *nogъtь [Шанский 8: 184] или апеллируют к ситуации с русским *мягок* < *mękъkъ [Kassian 2009: 178]. Сторонники реконструкции *kogъt- объясняют формы с k и x ассимиляцией согласных [Фасмер 2: 275]. Нам кажется наиболее вероятным вариант с оглушением *gt* > *kt* в косвенных падежах после падения редуцированных и последующим обобщением основы (как в болгарском *нокът* «ноготь» и польском *paznokieć* «ноготь»). Разумеется, реконструкция напрямую увязана с этимологией. Одна из популярных версий, как было выше упомянуто, связывает *kogъtь с п.-герм. *xakō «крюк», а также хет. *kakaš* (n.) «зуб» [Orel 2003: 154], что, впрочем, отвергается А. Клукхорстом, сомневающимся в индоевропейском характере германского слова [Kloekhorst 2008: 427–428]. Учитывая описанные сложности, *kogъtь остаётся тёмным образованием, со значительной долей вероятности присутствовашим уже в праславянском.

*kopъtь[12] «копоть» < п.-и.-е. *ku̯ep- [ЭССЯ 11: 29–30] или *k(ʷ)h$_2$uop-o- [Derksen 2008: 233]. Широко распространено в западно- и восточнославянских языках, но, кажется, отсутствует в южнославянских. Если принятая в литературе этимология, сравнивающая славянское слово прежде всего с литовским *kvãpas* «запах», верна, то *kopъtь должно иметь или праславянский статус или быть образовано от позднее утраченного праславянского *kopъ (что предполагалось в литературе, хоть и без убедительных доказательств см. [Sławski 2: 454–455]).

*pečatь (m.) «печать». Существуют две основные этимологии этого слова, одна считает заимствованием из грузинского *bečedi* «печать» через тюркское посредство, другая считает исконным дериватом от *pek- «печь» с суффиксом *-ětь [ESJS 11: 633–634]. Второй вариант, предполагающий наличие уникального суффикса *-ětь, кажется менее вероятным. Поэтому даже несмотря на широкую распространённость потомков слова *pečatь в славянских языках, версия заимствования выглядит предпочтительнее, а тюркские языки как ближайший источник заставляют относить его к постпраславянской эпохе. В анализируемое склонение слово *pečatь попало по аналогии со словами на *-ъtь, даже

[11] В работе 2011 года Кронен даёт реконструкцию *hēgō, G. *hakkaz.

[12] В ЭССЯ даётся как *kopъtъ / *kopъtь.

несмотря на неполное совпадение финалей. Аналогию этому процессу можно найти в получении чешскими заимствованными существительными *anděl* «ангел», *manžel* «муж» и *Španěl* «испанец» окончания *-é* в nom.pl. (*andělé*, *manželé*, *Španělé*) по аналогии с исконными существительными с суффиксом *-tel* (*učitelé* и т.д.).[13]

*polъtь «половина туши» < *polъ «половина». Данное слово хорошо представлено в западно- и восточнославянских языках [Фасмер 3: 316], но его праславянский статус сомнителен в силу отсутствия когнатов в южнославянских языках. Хотя с ним сближают слвн. *plât* (f.) «сторона, часть», которое выводят из *poltь [Bezlaj 3: 49–50; Snoj 2016: 546], словенское слово позволяет и иную трактовку. В словаре Плетершника оно засвидетельствовано также в форме мужского рода – *plât* (G. *plâta* и *platû*) [Pleteršnik 2: 49], что, кажется, позволяет сопоставить его со старославянским платъ «кусок такни, полотна» [SJS 3: 47–48], др.-русск. платъ «кусок ткани» [СРЯ XI–XVII 15: 75], и польским *płat* «лоскут, кусок; ломоть; участок, полоса (земли); доля (мозга)».[14] Дериваты от потенциального *poltь усматривают также в схр. *plàtica* «дощечка» и *plàtina* «колода, полено» [Bezlaj 3: 49–50; Snoj 2016: 546]. П. Скок упоминает также топоним *Plat* и производные от него, а также диал. *plat* «бедро» и «jufka od koje se pravi nadjevena pita; ploča od gvožđa, plasa» [Skok 2: 678], что, однако, на наш взгляд, не делает это сравнение более убедительным. Скок пишет также о старославянском слове плать «latus, strana», а Безлай и Сной называют его церковнославянским, однако в доступных нам словарях старо- и церковнославянских языков такого слова не обнаружилось. В то же время «Български етимологичен речник», упоминая церковнославянское плать пишет, что в плане значения оно идентично старославянскому платъ «кусок ткани» [БЕР 5: 315], так что нельзя исключать, что в случае фигурирующего в литературе церковнославянского плать «сторона» мы имеем дело с фантомным словом. Если учесть, что *polъ относилось к старым основам на *-u-, весьма привлекательным кажется предположение Вайяна, что *polъtь входило в число слов, на основе которых сформировался суффикс *-ъt- [Vaillant 2: 231]. Однако для принятия этой гипотезы необходимо доказать праславянский характер *polъtь.

[13] Подобные процессы, конечно, могут затрагивать не только свежие заимствования. Схожим образом сло-ва *host* «гость», *soused* «сосед» и *Žid* «еврей» получили в nom.pl. окончание *-é* наряду с исконным *-i*, ви-димо, по аналогии с формой *lidé* «люди».

[14] Чешское и словацкое *plát* «пластина» сюда, по всей видимости, не относятся, а скорее являются герма-низмом [Machek 1968: 455; Rejzek 2001: 472; Králik 2015: 444].

*troxъtь / *tъrxъtь < *troxa [Фасмер 4: 107; ESJS 16: 991]. На первый взгляд, континуанты этого слова присутствуют во всех трёх основных подгруппах славянских языков. Однако встречающееся в восточнославянских памятниках трьхъть, тьрохот «мелкая монета» отмечено только в церковных памятниках [СРЯ XI–XVII 30: 184] и скорее должно быть признано фактом церковнославянского языка, соотносимым со ст.-сл. тръхъть «мелкая монета» [SJS 4: 505]. Кроме того, чеш. *trochet* «небольшое количество» обладает иным вокализмом и, в данном случае имеет смысл видеть независимую деривацию от одного корня на разных ступенях вокализма в старославянском и чешском.

3.4. Постпраславянские образования, представленные более чем в одной подгруппе (по шестичленной классификации):

*drobъtь «крошка» < *drobiti «дробить» [SP 4: 249; ЭССЯ 5: 120];[15]

*golъtь < *golъ «голый» [ЭССЯ 7: 16; SP 8: 74];

*kapъtь «капля» < *kapati «капать» [ЭССЯ 9: 150];[16]

*kapъtь «некий вид обуви» < *kap- «хватать» [ЭССЯ 9: 150–151]. Существует версия о постпраславянском заимствовании из венгерского *kapca* «портянка» [Sławski 2: 51–52];

*klapъtь «колода» < *klapati «хлопать» [ЭССЯ 9: 186–187]; в ЭССЯ реконструируется как *klapъtъ / *klapъtь;

*kopъtь «копоть» < *ku̯op- «пахнуть» [ЭССЯ 11:, 29–30];

*krъxъtь «крошка» < *krъxa «крошка» [ЭССЯ 13: 52–53].[17]

[15] В ЭССЯ реконструируется праформа *drobъtъ.

[16] В ЭССЯ реконструируется праформа *kapъtъ.

[17] В ЭССЯ записано как *krъxъtъ.

Таблица 3. Распределение слов с формантом *-ъtь из пунктов 4.3 и 4.4 в славянских языках

	вост.-юж.	зап.-юж.	чеш.-сл.	луж.	лех.	вост.
*kogъtь			чеш. диал.	в.-луж. н.-луж.		др.-рус. рус. укр. бел. диал.
*kopъtь			др.-чеш. чеш. ст.-слвц.	н.-луж.	др.-пол. польск.	др.-рус. рус. укр. ст.-бел. бел.
*polъtь			чеш. слвц.	в.-луж.	польск.	др.-рус. рус. укр. бел.
*troxъtь / *tъrxъtь	ст.-сл. ц.-сл.		чеш.			
*drobъtь		слвн. схр. (дериват)	др.-чеш. чеш. слвц.			
*golъtь			др.-чеш. чеш.			др.-рус. бел.
*kapъtь			др.-чеш. чеш.			укр. (дериват)
*kapъtь			слвц. (дериват)		польск. словин.	рус.
*klapъtь			др.-чеш. чеш.		польск.	укр.
*krъxъtь		слвн. схр.				др.-рус. рус. укр.

Согласно данным, внесённым в таблицу, наиболее продуктивным формант *-ъtь был в чешско-словацкой и восточнославянской подгруппах, менее – в лехитских и западно-южнославянских языках, ещё менее в лужицких и восточно-южнославянских. На то, что это, скорее всего, не артефакт материала (то есть, потенциально худшей проработанности лужицких, болгарских и македонских данных), указывает также то, в каких отдельных славянских языках засвидетельствованы дериваты на *-ъtь.

3.5. Слова, засвидетельствованные только в отдельных языках или подгруппах

ст.-рус. ломоть, рус. *ломоть*, бел. диал. *ломоць* и *ломаць* < *lomiti «ломать» [ЭССЯ 16: 29];

рус.-цсл. копькъть – κρεαγρίς «вилка» (Иоанн Златоуст, XV век) [Срезневский 1: 1282]. В конечном счёте, вероятно, производное от *kopati, подобно слову *kopьje;

слвн. *lẹ́hət* «часть поля под каменной оградой» < *lěxa [Pleteršnik 1: 502; Miklosich 1875: 202];

ст.-чеш. и чеш. *krapet* «капля» < *krapati [ЭССЯ 12: 95];[18]

ст.-чеш. *kropet* «капля» < *kropiti «кропить» [ЭССЯ 13: 12];[19]

польск. диал. *kikieć* «культя» < *kyka [Vaillant 2: 230];

польск. *kłykieć* / *knykieć* «мыщелок; фаланга пальца» < *kłyk* «клык» [Vaillant 2: 230];

польск. *pypeć* «типун» < нем. *Pips* [Vaillant 2: 230];

польск. *rapeć* «копыто вепря; портупея для сабли» [Bańkowski 2014: 17]. Баньковский пытается вывести из *гърътъ, что, конечно, возможно только в случае гиперкорректного изменения из *repeć.

др.-польск. *spłacheć* «небольшой кусок поля», польск. *spłacheć* / *płacheć* / *szpłacheć* «лоскут» < *plaxa [SS 8: 350; Linde 1812: 549; Vaillant 2: 230; Boryś 2005: 568];

польск. диал. *krępeć* «крепыш» < *krępy* «крепкий» [Vaillant 2: 230];

польск. диал. *rupeć* «каменистая земля» < *rup* «глист» [Bańkowski 2014: 182];

польск. *szczubeć* «щепотка» [Linde 1812: 532].

3.6. Слова, без должных оснований относимые в данный тип склонения некоторыми учёными

*lepъtь «лоскут» (< *lepetati / *lepotati / *lepъtati в значении «обдирать, обрывать») реконструируется в [ЭССЯ 14: 133–134] на основании контекста «И не остася отъ имѣний его ни мала лѣптя срачицы на погребение безсуднаго его трупа» (Иное сказание, XVII век) [СРЯ XI–XVII 8: 207] и объединяется в одну словарную статью с *lepъta (рус. диал. *лепта́* «о том, кто говорит невнятно» и блр. диал. *лэ́пта* «недотёпа»), однако эта реконструкция представляется необоснованной в свете наличия рус. диал. *ле́петь* «лоскут» (в словарной статье даётся с пометкой *ж.*, но тут же приводится пример с мужским родом: «шубного ле́птя в доме нет) [СРНГ 16: 362].

[18] В ЭССЯ записано как *krapъtь/ъ.

[19] В ЭССЯ записано как *kropъtъ.

рус. *москоть* (ж.) «собирательное название химических веществ, используемых в промышленности» А. С. Львов выводил из *moskъtь с суффиксом *-ъt-, а корень соотносит с п.-и.-е. *mesk- «вязать, плести» [Львов 1982: 116–117]. Несмотря на то, что сама форма *москоть* засвидетельствована лишь в XIX веке, однокоренные ей слова *москотье*, *москотинье*, *москотилье* отмечаются уже с XIII века [СРЯ XI–XVII: 271–272]. Однако как выбор корня (ср. версии о заимствовании [Фасмер 2: 661]), так и реконструкция суффикса вызывают большие вопросы. Даже если согласиться со славянской этимологией, женский род слова, его собирательное значение и небеглое -о- говорят против реконструкции основы на *-ъtь. Отсутствие когнатов за пределами русского языка кроме того свидетельствует против проецирования на праславянский уровень.

рус.-цсл. стръмоть «внутри» [Miklosich 1875: 202; Miklosich 1977: 894] – гапакс, являющийся наречием, поэтому наличие в нём суффикса *-ъtь находится под большим сомнением.

цсл. ѫкъть «коготь; якорь» [Vaillant 2: 229]. Несмотря на то, что в таком виде это слово действительно встречается в памятниках, преобладает форма ѫкоть женского рода, как в русских, так и сербских памятниках, поэтому в данном случае выделяется суффикс *-ot-, а не *-ъt- [ЭССЯ 40: 53].

ст.-чеш. *hnilet*, -i (f.), реже -a / -u (m.) «гниль, гниение» [Vaillant 4: 700]. Скорее всего, производное на *-ědь [ЭССЯ 6: 174].

3.7. В глаза бросаются фонотактические ограничения, накладывавшиеся на формант *-ъtь. В праславянском он поначалу присоединялся только к основам, заканчивавшимся только на заднеязычные, что перекликается с описанной выше ситуацией в литовском, однако потом его сочетаемость расширилась также на основы на губные и *l.

Разделим описанные выше существительные на три основных пласта.

Праславянский слой: *nogъtь, *paznogъtь; *olkъtь; *degъtь; *lapъtь; *wěxъtь; *kogъtь; *kopъtь

Постпраславянский слой: *polъtь; *troxъtь / *tъrxъtь; *drobъtь; *golъtь; *kapъtь; *kapъtь; *klapъtь; *kopъtь; *krъxъtь

Инновации отдельных языков: *ломоть*; копькъть; *krapet*; *kropet*; *kikieć*; *kłykieć* / *knykieć*; *pypeć*; *rapeć*; *spłacheć*; *krępeć*; *szczubeć*

Количественно они распределяются следующим образом (*nogъtь и *paznogъtь учитывались как одна основа):

Таблица 4. Последний согласный основы существительных с формантом *-ъtь в праславянском и отдельных славянских языках

	k	g	x	p	b	m	l
Праслав.	1	3	1	2	0	0	0
Постпраслав.	0	0	2	4	1	0	2
Отд. языки	3	0	1	5	1	1	0

Неясно, можно ли в данном случае говорить о некой «диссимиляции», однако фактом является то, что после основ на зубные согласные формант *-ъtь не использовался, при том не только в праславянскую эпоху, но и после распада праязыка.

Этот на первый взгляд непримечательный факт подтверждает дентально-велярный характер артикуляции позднепраславянского *l и может служить аргументом против гипотезы Л. Л. Касаткина о том, что в течение всего праславянского периода, а также в начальный древнерусский этап *l носил «среднеевропейский характер» [Касаткин 1996].

3.8. Отдельным вопросом является соотношение дериватов на *-ъtь и *-ъtъ. Как уже указывалось выше, в Этимологическом словаре славянских языков нередко допускается двойная реконструкция (*-ъtъ/ь) или даже реконструкция *-ъtъ там, где предпочтительнее было бы видеть *-ъtь.

В случае форманта *-ъtъ, кажется, единственным по-настоящему древним образованием является *osъtъ «осот»,[20] точно соответствующее лит. *ãšutas* «конский волос».

Потенциально праславянскими образованиями являются *šьръtъ «шёпот», *roръtъ / *гъръtъ «ропот» и *tъръtъ «топот». Также сюда относят *cvьkъtъ [ЭССЯ 3: 197–198], *klekъtъ [ЭССЯ 9: 193–194], тєкътъ «стук дятла» [Срезневский 3: 945], щєкътъ «соловьиное пение» [Срезневский 3: 1609][21] и стрърътъ «труд, работа» [Срезневский 3: 562–563]. Почти все они образованы от звукоподражательных глаголов.

Однако правомерность реконструкции суффикса *-ъt- в этих примерах может быть поставлена под сомнение. Так, болг. *ше́пот*, чеш. *šepot* и отсутствие беглости гласного в русском *шёпот* говорят скорее в пользу реконструкции с *-ot-. Более того, именно *-ot- характерен для суще-

[20] В этом случае ЭССЯ также даёт альтернативную реконструкцию *osъtь, однако все примеры, на кото-рых она основывается, – женского рода [ЭССЯ 36: 79], так что в них предпочтительнее видеть поздние инновации.

[21] Срезневский записывает *щекотъ* «соловьиное пение» из «Слова о полку Игореве» как *щекътъ* [Срезнев-ский 3: 1609], однако не приводит форм косвенных падежей, а чешское *štěkot* «лай» и вовсе заставляет сомневаться, в том, что тут был формант *-ъtъ, а не *-otъ.

ствительных, производных от звукоподражательных глаголов: *gogotъ [ЭССЯ 6: 195], *groxotъ [ЭССЯ 7: 135–136], *xlopotъ/*klopotъ [ЭССЯ 8: 36–37], *xoxotъ [ЭССЯ 8: 55–56], *klokotъ [ЭССЯ 10: 65], болг. *тро́пот* «топот», *русск. рокот*, *стрекот*, *топот*, *цокот*, чеш. *brekot* «плач», *cvrkot* «стрекотание», *dupot* «топот», *dusot* «топот», *chrapot* «хрип», *jásot* «ликование», *jekot* «визг», *klapot/klepot* «стук», *pleskot* «плеск», *praskot* «треск», *rachot* «грохот», *skřípot* «скрип», *štěkot* «лай», польск. *bełkot* «бормотание», *bulgot/gulgot* «бульканье», *charkot* «хрип», *chlupot* «хлюпанье», *chrobot* «скрип, шорох», *dygot* «дрожь», *furkot* «гудение», *gruchot* «грохот», *hurkot/hurgot* «грохот», *jazgot* «шум, лязг», *łomot* «гул», *łopot* «хлопанье», *łoskot* «грохот», *rechot* «гогот», *stukot* «стук», *turkot* «тарахтение» и т.д.

Безусловно, этот вопрос ещё нуждается в дополнительном изучении, однако даже сама семантическая ограниченность дериватов с этим суффиксом позволяет нам реконструировать существительные из пунктов 3.4 и 3.5 с формантом *-ъtь.

4. Судьба форм рассматриваемого склонения в отдельных славянских языках

4.1. Старославянский

В старославянском языке слова из анализируемого склонения уже начинают переходить в более продуктивные типы на *-i- и *-o-, причём это взаимодействие отмечается уже в памятниках узкого канона, ср. формы ins.pl. ногътъı и ногътьми в Супрасльской рукописи.

Таблица 5. Склонение слов дьнь и десть в старославянском [SJS 1: 539; 477]:

	дьнь		десть	
	согл.	*-i-	согл.	*-i-
nom.sg.	дьнь		десть	
gen.sg.	дьне	дьни	-	дести
dat.sg.	дьни		дести	
acc.sg.	дьнь		десть	
voc.sg.	дьнь	-	-	-
ins.sg.	дьньмь		дестьѭ	
loc.sg.	дьне	дьни	десте	дести
n.-a.du.	дьни		дести[23]	
g.-l.du.	дьноу[24]	дьнию	дестоу	-
d.-i.du.	-		дестьма	
nom.pl.	дьне	дьние, дьни	десте[25]	дести
gen.pl.	дьнъ	дьнии	дестъ	дестии
dat.pl.	дьньмъ		дестьмъ	
acc.pl.	дьни		дести[26]	
ins.pl.	дьнъı	дьньми	дестъı	дестьми
loc.pl.	дьньхъ		дестьхъ	

Таблица 6. Склонение слов *ногъть и лакъть в старославянском [SJS 2: 438–439; 105]:

	*ногъть		лакъть	
	согл.	*-i-	согл.	*-o-
nom.sg.			лакъть	-
gen.sg.			лакъте	-
acc. sg.			лакъть	лакътъ
n.-a.du.			лакъти	-
g.-l.du.			лакътоу	
nom.pl.	-[27]		-	
gen.pl.	ноготъ	ногътии	лакътъ	
acc.pl.	ногъти		-	лакътъı
ins.pl.	ногътъı	ногътьми	лакътъı	

[22] на десть в поздних памятниках.
[23] дестѣ/десте в Христинопольском апостоле (XII век, русская редакция).
[24] В Ассеманиеве евангелии мы находим также форму дьню, возникшую под влиянием типа на *-jo-.
[25] дестии в nom. pl. для перевода οἱ δέκα.
[26] также десте (по аналогии с nom.pl.).
[27] В памятнике XV века русской редакции с чешским протографом «Некоторая заповедь» или «Святых Апостол Правило» встречается форма ногти [SJS 2: 439] (вместо ногъте или ногътие), но она носит очевидно поздний характер

Отметим, что *-o-формы слова лакъть фиксируются лишь в поздних памятниках: acc. sg. лакътъ появляется в Григоровичеве паримейнике (XII-XIII век, болгарский извод), а acc.pl. лакъты в Хвалове рукописи (XV век, сербский извод) [SJS 2: 105].

4.2. Древнерусский

В древнерусском языке относительно хорошо сохранялась парадигма слова дьнь [Хабургаев 1990: 63].

4.3. Древнечешский

Описываемый тип склонения частично сохранился в древнечешском, где исходные формы задержались в gen.sg. (*lokte*) и dat.sg. (*lokti*), а также в nom.pl. (*lokte*) и gen.pl. (*loket*) [Bauer et al. 1986: 172]. В современном чешском слова *den* и *loket* сохраняют архаичные формы в gen. sg. и dat.sg., исходная форма местного падежа слова *dьnь сохранилась в словосочетании *ve dne* «днём», а старая форма gen.pl. *loket* используется в сочетаниях с числительными в значении меры длины (X *loket* «X локтей»).

4.4. Древнепольский

В древнепольском также лучше всего сохраняет старые формы слово *dzień*: loc.sg. *we dnie*, наряду с *dniu*; nom.pl. *dnie*, наряду с *dni* и *dniowie*; acc. pl. *dnie*, наряду с *dni* [SS 2: 294]. В современном польском застывшая форма старого локатива осталась в выражении *we dnie i w nocy* «днём и ночью».

5. Всё вышесказанное можно резюмировать в виде следующих положений:

а) в определённый момент истории праславянского языка парадигма слов *nogъtь «ноготь», *olkъtь «локоть», *degъtь «дёготь» и *desętь «десять» выделилась из основной массы согласного склонения в отдельный тип склонения за счёт введения в nom.sg. окончания *-is > *-ь. Позднее в этот тип склонения влилось также слово *dьnь «день», но основным источником его пополнения служили дериваты с формантом *-ъtь. К праславянскому слою таких дериватов можно отнести *lapъtь «лапоть» и wěxъtь «пучок соломы». Со значительно меньшей степенью уверенности к таковым можно отнести также *kogъtь «коготь», *kopъtь «копоть» и *polъtь «половина туши». В постпраславянскую эпоху этот формант имел наибольшую продуктивность в чешско-словацкой и восточнославянской подгруппах.

б) Формант *-ъtь первоначально присоединялся к основам, заканчивающимся на заднеязычный согласный, затем также к основам на губной. Показательно, что среди дериватов на *-ъtь есть примеры с основой на –l, что свидетельствует в пользу дентально-велярного характера позднепраславянского *l.

Использованная литература:

БЕР (1971–2010): *Български етимологичен речник*. Под ред. В. Георгиева, И. Дуриданова, М. Рачевой, Т. Тодорова. София: Издателство на Българската академия на науките. Томове 1–7.

КАСАТКИН, Л. Л. (1996): К истории <л> в русском языке. 2. В: *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993*. Москва: ИРЯ РАН, с. 236–250.

ЛЬВОВ, А. С. (1982): Из лексических наблюдений. В: *Этимология 1980*. Москва: Наука, с. 114–119.

САЕНКО, М. Н. (2019): Периодизация истории праславянского субстантивного склонения. В: *Балто-славянские исследования XX*. В печати.

СРЯ XI–XVII (1975–2015): *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Москва: Наука. Тома 1–30.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. (1893–1912): *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. Тома I–III.

СРНГ (1965–2017): *Словарь русских народных говоров*. Санкт-Петербург: Наука. Выпуски 1–50.

ФАСМЕР, М. (1986–1987): *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс. В 4-х томах.

ХАБУРГАЕВ, Г. А. (1990): Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. Москва: Издательство МГУ.

ШАНСКИЙ, Н. М. (1963–2007): *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Издательство МГУ. Тома 1–10.

ЭССЯ (1974–2018): *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Москва: Наука. Выпуски 1–41.

BAŃKOWSKI, A. (2014): *Etymologiczny słownik mowy polskiej*. Częstochowa: Linguard. Tom 3, część 1.

BAUER et al. (1986): Bauer J., Lamprecht A., Šlosar D. *Historická mluvnice češtiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

BEEKES, R. (2010): *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston: Brill.

BEZLAJ, F. (1976–2007): *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana: Mladinska knjiga. Knjige I–V.

BORYŚ, W. (2005): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

DERKSEN, R. (2008): *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill.

ESJS (1989–2018): *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Brno: Academia, Tribun EU. Sešity 1–19.

KASSIAN, A.S. (2009): *Anatolian lexical isolates and their external Nostratic cognates. Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск XXVIII, с. 152–186.

KLOEKHORST, A. (2008): E*tymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill.

KRÁLIK, Ľ. (2015): *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda.

KROONEN, G. (2011): False exceptions to Winter's Law. In: *Accent matters. Papers on Balto-Slavic Accentology (Studies in Slavic and General Linguistics 37)*, p. 251–261. Amsterdam, New York: Rodopi.

KROONEN, G. (2013): *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden, Boston: Brill.

LINDE, S. B. (1812): *Słownik języka polskiego*. Warszawa. Część III, czyli volumen V.

MACHEK, V. (1968): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.

MATASOVIĆ, R. (2009): *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston: Brill.

MIKLOSICH, F. (1875): *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Band. Stammbildungslehre*. Wien: Wilhelm Braumüller.

MIKLOSICH, F. (1977): *Lexicon paleoslavenico-graeco-latinum*. Aalen: Scientia Verlag.

OREL, V. E. (2003): *Handbook of Germanic Etymology*. Leiden, Boston: Brill.

OTRĘBSKI, J. (1965): *Gramatyka języka litewskiego. Tom II: Nauka o budowie wyrazów*. Warszawa: PWN.

PIWOWARCZYK, D. R. (2015): *The Proto-Indo-European*-VTs# clusters and the formulation of Szemerényi's Law. Indogermanische Forschungen*. T. 120, 1. p. 269–278.

PLETERŠNIK, M. (2006): *Slovensko-nemški slovar*. Ljubljana: Založba ZRC.

REJZEK, J. (2001): *Český etymologický slovník*. Voznice: Leda.

SKOK, P. (1971–1973): *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knjige I–III.

SJS (1966–1997): *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. Svazky 1–4.

SŁAWSKI, F. (1952–1982): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego. Tomy I–V.

SNOJ, M. (2016): *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC.

SP (1974–2001): *Słownik Prasłowiański*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN. Tomy 1–8.

SS (1953–2002): *Słownik staropolski*. Wrocław, Kraków, Warszawa: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN. Tomy I–XI.

STANG, Chr.S. (1966): *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo, Bergen, Tromsö: Universitetsforlaget.

DE VAAN, M. (2008): *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston: Brill.

VAILLANT, A. (1950–1977): *Grammaire comparée des langues slaves*. Lyon, Paris: Editions IAC; Klincksieck. Tomes I–V.

VONDRÁK, W. (1928): *Vergleichende Slavische Grammatik. II. Band. Formenlehre und Syntax*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Профиль автора:

Саенко Михаил Николаевич, кандидат филологических наук

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Ленинский проспект, 32а

www.inslav.ru
veraetatis@yandex.ru